

18+
ДМИТРИЙ СТИЛЛАВИН

ПОСЛЕ НАШЕЙ ЭРЫ

КНИГА 2: ЮЖНОЕ КОРОЛЕВСТВО

Дмитрий Стиллавин
После нашей эры. Книга
2. Южное королевство

<https://litres.ru/74286014>

ISBN 9785007066891

Аннотация

Некогда великая цивилизация погибла, технологии забыты. Миром правит жестокий Порядок. Но Северное королевство пало: Жребий отменён, а надсмотрщик мёртв. На Юг отправляются беглецы и охотники. А в тени древних руин пробуждается настоящий правитель — Маахес, Король зверолов. Война за свободу оборачивается войной за выживание. И где-то на горизонте уже загорается огонь, который поглотит мир.

Содержание

АННОТАЦИЯ	6
ПРОЛОГ: ЗВЕРЬ С ЮГА	7
ГЛАВА 1: СЕВЕРНАЯ ЗИМА	15
ЧАСТЬ 1: ВОЛК	15
ЧАСТЬ 2: УТРО ПЕРВОГО СНЕГА	19
ЧАСТЬ 3: ТЕПЛО И ПЛОТЬ	24
ЧАСТЬ 4: КОТ	30
ЧАСТЬ 5: ТО, ЧТО ГРЯДЁТ	36
ГЛАВА 2: ТЕНИ	41
ЧАСТЬ 1: КЛАДБИЩЕ	41
ЧАСТЬ 2: ЗОРЯНА	44
ЧАСТЬ 3: СОВЕТ	53
ЧАСТЬ 4: РЕГРАД	60
ГЛАВА 3	66
ЧАСТЬ 1: НОЧНОЙ ГОСТЬ	66
ЧАСТЬ 2: ПОВСТАНЦЫ РЕГРАДА	71
ЧАСТЬ 3: КОГТИ В ТЕМНОТЕ	75
ЧАСТЬ 4: ТРЕЩИНА	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

После нашей эры

Книга 2. Южное

королевство

Дмитрий Стиллавин

© Дмитрий Стиллавин, 2026

ISBN 978-5-0070-6689-1 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-6684-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОСЛЕ НАШЕЙ ЭРЫ

КНИГА ВТОРАЯ: ЮЖНОЕ КОРОЛЕВСТВО

© Стиллавин Дмитрий, 2026

Все права защищены. Никакая часть этой книги в любом виде (электронном, печатном, аудио и т.д.) не может быть воспроизведена, распространена, переведена на другие языки или использована в какой-либо форме без письменного разрешения автора, за исключением коротких цитат в рецензиях и обзорах.

Эта книга является результатом творческого сотрудничества автора и систем искусственного интеллекта. Искусственный интеллект использован как вспомогательный инструмент для генерации идей, редактирования и создания изобразительного ряда.

Все персонажи, события, названия организаций и географические названия в этой книге являются вымышленными. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или умершими, историческими событиями или существующими организациями случайно.

Возрастная маркировка: 18+ (согласно Федеральному закону №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»). Книга содержит сцены насилия, жестокости и описания, не рекомендованные для лиц младше 18 лет.

АННОТАЦИЯ

Мрачное постапокалиптическое средневековье. Некогда великая цивилизация погибла, технологии забыты. Миром правит жестокий Порядок. Но Северное королевство пало: Жребий отменён, а надсмотрщик мёртв. На Юг отправляются беглецы и охотники. Немой писец Каэл мечтает обрести голос ценой предательства. Отряд Беренгара идёт по его следам через пустыню, где теряет друзей и находит неожиданных союзников. А в тени древних руин пробуждается настоящий правитель — Маахес, Король зверолов, Первый и единственный. Война за свободу оборачивается войной за выживание. И где-то на горизонте уже загорается огонь, который поглотит Бастион.

ПРОЛОГ: ЗВЕРЬ С ЮГА

Небоскрёб спал.

Он стоял на краю мёртвого города — южного, выжженного, где солнце превратило всё живое в песок, а песок — в стекло. Когда-то его стены отражали облака, а внутри, на сотнях неведомых уровней, кипела жизнь, которую Древние называли «цивилизацией». Теперь это был скелет: бетонные рёбра, торчащие из дюн; пустые глазницы окон, в которых ветер играл похоронную песню; ржавая арматура, торчащая из перекрытий, как кости из могилы, которую кто-то разрыл и забыл закопать.

Ходжа сидел на обломке балкона — где-то на огромной высоте, где воздух становился холодным и разреженным, а облака проплывали ниже его лап. Он свесил ноги в пропасть, и песок сыпался из-под когтей, падал вниз, терялся в сумерках, не долетая до земли. На этой высоте даже птицы летали редко — только самые смелые, те, кто не боялся духов древних стен.

Он смотрел на закат — не на тот, который любят поэты, а на багровый, удушливый, похожий на открытую рану, из которой сочится не кровь, а тьма. Воздух был горячим и сухим, как выдох гигантской печи. Зверь вдыхал его с удовольствием — в отличие от северных тварей, хрупких и нежных, южный климат не причинял ему боли. Будто он был рождён

для этого зноя.

Его лицо было лицом барханного кота. Узкая, вытянутая морда, покрытая песочной шерстью, которая в лучах заката отливала медью. На скулах — три тёмные полосы с каждой стороны, такие же, как у его диких родичей, что охотились в пустыне по ночам. Усы — длинные, упругие, чёрные — шевелились независимо от дыхания, ощущая малейшие колебания воздуха. Нос — тёмно-розовый, с двумя узкими прорезями, которые могли уловить запах добычи за версту. Глаза — огромные, с вертикальными зрачками, янтарные, с лёгкой зеленцой у края радужки. Они не моргали. Они видели в темноте то, что другие не замечали: движение тени, игру света, дыхание жизни там, где её не должно быть.

Уши — высокие, с кисточками на концах, поворачивались независимо друг от друга, ловя малейший шорох. Сейчас, в разрушенном небоскрёбе, где ветер гулял по пустым этажам, он слышал всё: скрип ржавых арматур, шорох песка по бетону, дыхание крыс глубоко внизу, у подножия. И шаги.

Тяжёлые. Медленные. Не его. Чужие.

Кот не обернулся. Не посмел. Он знал, кто идёт. Чувал запах — не звериный, не человеческий. Другой. Старый, как этот мир. Запах, от которого кровь стынет в жилах, а лапы невольно тянутся к земле, чтобы опуститься на колени.

— Господин, — сказал он, не повышая голоса. В его хриплом, с лёгким мурлыканьем голосе не было страха — было уважение. Трогательное, почтительное, как у воина перед

полководцем, которого он готов защищать ценой жизни. — Я чувствую тебя за сто шагов. Но ты всегда появляешься там, где тебя не ждут.

Из темноты, из глубины разрушенного зала, где даже его кошачьи глаза различали лишь сгустки тьмы, выступила фигура.

Человек. Или не человек. Свет не падал на него, только скользил по краям, оставляя лицо в тени. Но очертания угадывались: широкие плечи, прямая спина, длинные руки, сжатые в замок за спиной. Грива — если это была грива — сливалась с темнотой, делая его голову похожей на чёрное солнце с лучами, которые не греют, а душат.

Лев. Главарь Ордена Порядка. Тот, кто отдавал приказы. Тот, перед кем даже Ходжа, знавший тайны древних городов, опускал голову.

Кот спрыгнул с балкона и опустился на одно колено. Бесшумно, как его дикие родичи. Песок скрипнул под когтями. Спина прямая, голова чуть наклонена — не в знак слабости, а в знак признания силы, которая выше его собственной.

— Встань, Ходжа, — сказал Лев. Голос его был низким, тягучим, как патока, но в нём чувствовалась тяжесть, от которой хотелось не то что опустить глаза — вжаться в землю.

Тот поднялся. Уши его настороженно замерли. Он ждал. Знал, что Король не приходит просто так.

— Я слышал вести с севера, — сказал Кот, нарушая тишину. — Волк мёртв.

— Мёртв, — подтвердил Лев. — Порядок в Северном королевстве уничтожен. Жребий отменён. Люди убили надсмотрщика и творят что хотят.

— Творят, что хотят? — переспросил Ходжа, и в его голосе прозвучала горькая усмешка. — Я знаю людей. Без узды они быстро превращаются в стаю, которая сожрёт саму себя.

— Именно поэтому ты отправишься туда, — сказал Лев, и в его голосе не было просьбы — только приказ. — Восстановишь Порядок. Станешь новым правителем северных земель.

Ходжа молчал. В груди заурчало — не угроза, а размышление. Когти царапнули бетон. Он поднял голову, и его янтарные глаза встретились с тенью, скрывающей лицо царя зверей.

— Почему я, господин? — спросил он, и голос его стал тише, почти шёпотом. — Ты знаешь, я не переносу северный климат. Холод, сырость. Шерсть отсыревает, чутьё притупляется. Мои уши там не ловят звуки — они мёрзнут. А лапы скользят по льду. Я там как рыба на песке. И ты знаешь это лучше всех.

Лев не ответил сразу. Он сделал шаг вперёд, и Ходжа почувствовал, как воздух стал плотнее, тяжелее. Тень от его гривы упала на лицо Кота, и на мгновение тому показалось, что он видит в ней не просто тьму — а усталость. Такую же, как у него самого. Только старше. Гораздо старше.

— Потому что ты единственный, кто может оставить свой

пост, — сказал Лев наконец. Он сделал ещё один шаг, и Ходжа заметил, как его рука на миг коснулась левого бока — там, где под гривой угадывался старый, давний шрам. Лев никогда не показывал его раньше. Но сейчас он не прятал. — Земли других королевств тоже беспокойны. На западе — Сквор. На востоке — Барибал. А на юге вас трое.

Он замолчал. В тишине было слышно, как далеко внизу, у подножия небоскрёба, ветер гонит песок по пустым улицам.

— Но есть ещё одна причина, — добавил Лев, и в его голосе появилась странная, почти человеческая нотка. — Я получил донесения. От тех, кто выжил на севере. От писцов, от торговцев, от тех, кто видел их лица. Их зовут Беренгар и Эленор. Она — та, кого казнили и воскресли. Он — бывший пёс, который убил Волка. Они — символ. Если они останутся живы, люди поверят, что могут жить без Порядка. И тогда... — Лев не договорил. — Ты знаешь, что будет.

— Знаю, — тихо сказал Ходжа. — Хаос. Голод. Война. И в конце — смерть всех. Мы уже проходили это.

— Да, — Лев шагнул назад, в темноту. — Поэтому ты должен идти. Не ради меня. Ради мира.

Ходжа стоял неподвижно. Внутри него боролись два голоса. Один — голос зверя, который ненавидел холод, который хотел остаться на юге, в тепле, среди песка и дюн. Другой — голос того, кто когда-то был человеком, кто помнил, что такое страх, и кто знал, что Порядок — это не жестокость, а необходимость. Он вспомнил лица людей, которых видел

под землёй, в своих владениях. Они не знали солнца, но они были живы. И если он не пойдёт, они умрут. Все.

Он сжал кулаки так, что когти впились в ладони.

— Я сделаю это, — сказал он, и голос его был глухим, но твёрдым. — Я пойду на север. Я восстановлю Порядок. Я убью их, если потребуется. Но я не буду делать это с удовольствием, господин. Я не хочу стать тем, кем стал Волк. Он не сомневался. А я... я не хочу терять сомнение.

Лев молчал долго. Так долго, что Ходжа подумал — он ушёл. Но потом из темноты раздался голос — тихий, почти неслышный:

— Я знаю. Я тоже не хочу. Но иногда выбор — это не то, что мы хотим. А то, что мы должны.

Он ушёл. Тень растворилась в темноте, и Ходжа остался один на балконе, глядя на закат, который уже почти погас.

Он постоял ещё несколько мгновений, чувствуя, как ветер холодит его шерсть. Потом развернулся и пошёл к пролому в стене, где вместо окон зияла пустота.

Перед прыжком он остановился. Закрыв глаза. Вспомнил имена тех, кого, возможно, ему придётся убить. И прошептал в пустоту:

— Простите. Я не хочу. Но я должен.

Он спрыгнул.

Плащ взметнулся за ним, как чёрное знамя. Ветер ударил в лицо, раздул усы, заставил сузить глаза — но он не щурился, его веки были третьим веком, прозрачной плёнкой, кото-

рая защищала зрачки, не мешая видеть.

Небоскрёб уходил вниз. Бетонные перекрытия, бесчисленные, как дни в долгой жизни, проносились мимо, сливаясь в серую полосу. Ржавые балки, пустые оконные пролёты, обломки штукатурки — всё это мелькало, исчезало, таяло.

Он падал долго — дольше, чем длится выдох. Где-то на середине пути, на уровне полёта птиц, ему показалось, что он пролетает сквозь облака. Тонкие, рваные, похожие на клочья старой ваты, они скользили по шерсти, оставляя на ней капли влаги.

Он видел, как внизу проступают очертания земли — серое пятно среди барханов, тусклое, лишённое жизни. Песок, камни, редкие кусты колючки, которые выживали там, где не выживало ничего.

Ходжа сгруппировался инстинктивно, как учили его дикие родичи, — поджал лапы, вытянул спину, развернул хвост рулём. Воздух свистел в ушах, песок бил в третье веко.

Приземление было мягким, почти бесшумным. Его сильные лапы, с широкими подушечками, пружинисто приняли вес тела, и он замер на несколько мгновений, оглядываясь по сторонам.

Пустошь. Дюны. Далеко на горизонте — абсолютное «ничего».

Ходжа выпрямился, отряхнул плащ. Когти царапнули землю. Он посмотрел на север, туда, где за тысячами миль пустыни, гор и лесов ждали люди, которые не знали, что

смерть уже идёт к ним.

Он сделал шаг вперёд, в темноту, где в провале между дюнами угадывался вход в тоннель — чёрный зев, ведущий под землю, в мир Древних, где рельсы ещё помнили звон колёс.

«Я приду, — подумал он. — Я приду, чтобы спасти вас. Даже если вы не захотите быть спасёнными. Даже если вы будете проклинять меня. Потому что это — мой выбор. И я готов за него ответить».

Он шагнул в темноту. И на мгновение — всего на мгновение — ему показалось, что он чувствует запах снега. Холодного, чужого, далёкого. Там, на севере, его ждали люди, которые не знали, что смерть уже идёт к ним. Он не знал, сможет ли он их спасти. Но он знал, что должен попытаться.

ГЛАВА 1: СЕВЕРНАЯ ЗИМА

Прошлое не отпускает. Оно просто ждёт, когда ты обернёшься.

ЧАСТЬ 1: ВОЛК

В подвалах Святого Бастиона всегда пахло смертью.

Но в этот раз запах был другим — не острым, не тошнотворным, не тем, от которого сворачивает желудок и слезятся глаза. Он был сладковатым, приторным, как переспелые фрукты, которые начинают гнить изнутри, но снаружи ещё кажутся свежими. И ещё в нём чувствовалось что-то металлическое, холодное, похожее на запах старой крови, которую не выветрит даже тысячелетием.

Беренгар, пёс и рыцарь Нового Порядка, спускался по винтовой лестнице, и каждый шаг отдавался в каменных сводах глухим, давящим эхом. Факел в его руке чадил, отбрасывая прыгающие тени на стены, и ему казалось, что тени эти движутся сами по себе — независимо от огня, по какой-то своей, чужой воле. Он не спал уже вторую ночь. Всё думал о том, что его брат Каэл нашёл в старых списках. Имя. Гедрих. «Отец жив», — написал тогда брат на доске. И Беренгар не знал, что с этим делать.

Тюремщик, шагавший впереди, остановился у железной двери. Ключ заскрежетал в замке — протяжно, жалобно, будто сам металл не хотел открываться.

— Он там, — сказал пёс, не оборачиваясь. Голос его был глухим, будто шёл из-под земли. — Всё так же. Не меняется.

Дверь открылась с протяжным, тоскливым скрипом.

Беренгар шагнул внутрь.

Тело Волка висело на цепях, прикованное к стене. Руки разведены в стороны, голова упала на грудь, ноги чуть согнуты в коленях — поза, в которой его закрепили сразу после того, как труп доставили из Валии. Цепи были толстыми, ржавыми, но держали мёртвого зверя с такой же лёгкостью, как живого. Они не скрипели, не звенели — только тускло проблёскивали в свете факела.

Волк казался спящим.

Шерсть — серебристая, с рыжими подпалинами — всё ещё блестела на груди и плечах, переливалась в дрожащем свете, как на живом звере. Кожа не посерела, не сморщилась, не обтянула кости. Раны — те, что нанесли мечи Беренгара и Селвина в тронном зале Валии, — затянулись тонкими, белыми рубцами, как будто прошли годы, а не месяцы. Тело не разлагалось. Не издавало запаха тлена. Оно просто висело здесь, в сыром, холодном подвале, и ждало.

Рыцарь подошёл ближе. Остановился в двух шагах от мёртвого зверя. Вгляделся в его лицо — в застывшие веки, в тонкие губы, которые когда-то шептали проклятия, в клыки,

которые даже после смерти казались острыми, как иглы. Он вспомнил ту ночь в катакомбах Причала Теней, когда Волк впервые выстрелил в него. Тогда он думал, что враг — это просто враг. Зверь, которого нужно убить. Теперь он смотрел на мёртвое тело и понимал: он ничего не знал ни о нём, ни о тех, кто послал его.

— Четыре месяца, — раздался голос за спиной.

Беренгар обернулся. Селвин, его брат по оружию, стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку. Его лицо было бледным, под глазами залегли тени — он плохо спал последнее время. Как и все в Бастионе.

— Четыре месяца, — повторил он, — и ни гниения, ни запаха. Как в первый день.

— Бронежилет? — спросил Беренгар.

— В сундуке, под замком. Я проверял вчера. Всё на месте.

Беренгар снова посмотрел на тело. На его грудь, на живот, на то место, где у человека должны быть половые органы. Их не было. Гладкая, серая кожа, ровная, как застывшая смола, без шрамов, без рубцов, без складок. Будто их никогда и не существовало.

— Что это значит? — спросил он, и голос его был низким, почти шёпотом.

— Не знаю, — ответил Селвин. — И никто не знает. Вальдемар молчит. Каэл роется в архивах, но пока ничего не нашёл.

— А ты? Что ты думаешь?

Селвин помолчал. Факел в его руке чуть дрогнул, и тени на стенах качнулись, заметались, будто пришли в движение.

— Я думаю, это не люди, — сказал он тихо. — Или уже не люди. И это... это меня пугает больше, чем их когти и зубы. Потому что если они не могут размножаться, значит, они не такие, как мы. И значит, они завидуют нам. Или ненавидят нас за то, что мы можем то, чего не могут они.

— Или они просто другие, — сказал Беренгар. — И мы никогда не поймём их до конца.

Он повернулся к выходу. Спина его была прямой, но Селвин видел, как напряжены его плечи.

— Надо сохранить его, — бросил Беренгар через плечо. — Для Каэла. Когда-нибудь он разгадает эту загадку.

— Я распоряжусь, — сказал Селвин.

Дверь захлопнулась. Цепи глухо звякнули.

ЧАСТЬ 2: УТРО ПЕРВОГО СНЕГА

Беренгар поднялся наверх, но не пошёл в свою комнату. Он остановился у окна в коридоре, глядя на заснеженный двор. В голове крутились обрывки мыслей. Волк. Его тело, которое не разлагается. И ещё — отец. Гедрих. Человек, которого он не помнил, но который, оказывается, был жив. Каэл показал ему список. Просто ткнул пальцем на строчку: «Гедрих, муж (вычеркнут)». Тогда Беренгар сказал: «Он мёртв. Как и все, кого мы знали». Он не хотел верить. Он боялся верить.

Но сейчас, глядя на снег, он понял: он должен поехать в Реград. Должен увидеть отца... Либо его могилу.

Когда рассвело, он наконец отошёл от окна и поднялся на крепостную стену, где холодный ветер мог хоть немного прочистить голову.

Прошло четыре месяца с тех пор, как король Теодорик рухнул с балкона, прошитый пулей предателя пса Молчуна. Четыре месяца, как Волк, надсмотрщик Севера, висел на цепях в подвале Бастиона, не разлагаясь, не гниющий, не подчиняющийся законам смерти. И четыре месяца, как Северное королевство училось жить без Жребия.

Король Валии, Эрман, умер своей смертью — так объявили народу. Не ложь, не правда, а то, во что люди смогли поверить. Его дочь, Эленор, та, которую казнили и воскресла,

стала не королевой, а знаменем. Трон остался пуст. Вместо одного правителя — совет. Вместо указов — обсуждения. Вместо палачей — суды.

Не всё было гладко. Люди мёрзли. Голодали. Ссорились за хлеб. Предавали. Но они были свободны. И никто не сидел над ними с топором, отсчитывая «лишние души».

Зима пришла на север внезапно.

Ещё неделю назад листья, пожухлые и мёртвые, шуршали под ногами, и воздух был сырым, но терпимым. А теперь всё затянуло белой, глухой пеленой. Снег валил густыми хлопьями, засыпая крыши, улицы, крепостные стены. Ветер выл в башенных бойницах, завывал в щелях, пробирался в каждый угол, в каждую щель. Он был ледяным — не зимним, а каким-то предсмертным, будто сам воздух замерзал на лету.

Святой Бастион замер.

Люди жались к печам, кутались в тряпье, грели руки над чадящими масляными лампами. Дети перестали выходить на улицу — слишком холодно, слишком ветрено. Старики, те, кто помнил прошлые зимы, качали головами и говорили, что такой стужи не было много лет. А те, кто помнил больше других, молчали и только смотрели на небо — низкое, свинцовое, давящее, — и крестились забытым знаком.

Псы новой стражи ходили в караулах, кутаясь в плащи, но даже тяжёлая ткань не спасала от холода. Замерзли пальцы на ногах, немели уши, дыхание превращалось в пар. Алдр, будь он жив, наверное, устроил бы разнос, приказал бы утеп-

лить казармы, наскрести одеял и шуб. Но Алдра не было. И его не хватало.

Беренгар стоял на крепостной стене, глядя на восток.

Снег падал ему на плечи, забивался под шлем, таял на лице. Он не замечал холода — или делал вид, что не замечает. Левая рука, та, что была изранена когтями Волка, ныла при каждом движении, и холод только усиливал эту боль. Но он сжимал зубы и смотрел вдаль, туда, где серая мгла сливалась с белой равниной, и казалось, что там, за горизонтом, нет ничего — только пустота и ветер.

Он думал о Реграде. Об отце, которого он никогда не знал. И о том, что скоро он сядет на лошадь и поедет туда, чтобы встретиться с прошлым, которое он так долго прятал.

Эленор подошла сзади бесшумно — она всегда ходила бесшумно. Беренгар почувствовал её присутствие раньше, чем услышал шаги: лёгкое, едва уловимое тепло, которое она излучала даже в этот промозглый день.

— Не спится? — спросил он, не оборачиваясь.

Она встала рядом. Её пепельные волосы выбились из-под капюшона, и снег таял на них, превращаясь в мелкие капли, похожие на слёзы. Шрам на шее — белый, тонкий, как нить — был открыт, она больше не прятала его. Беренгар видел этот шрам каждый день и каждый раз думал о том моменте, о топоре, о крови, хлещущей по деревянному настилу. О том, как он стоял и смотрел.

Эленор коснулась его плеча. Взяла доску, написала:

«Ты здесь с рассвета. Иди вниз, согрейся».

— Не могу, — ответил он. — Мне кажется, я слышу что-то. Там, за снегом.

Она посмотрела в ту сторону, куда он указывал. Белая, глухая пелена. Ничего.

«Тебе кажется».

— Может быть. — Беренгар наконец повернулся к ней. Его лицо было осунувшимся, под глазами залегли тени — такие же, как у Селвина. — А может быть, и нет. Волк говорил, что Орден пришлёт других. Ты помнишь?

Она кивнула и коснулась его руки. Её пальцы были холодными, но он чувствовал их тепло — то, которое оставалось только у неё. Она не спрашивала, о чём он думает. Она знала. Она всегда знала.

«Ты поедешь в Реград?» — написала она.

— Да, — ответил он. — Я должен.

Она не стала спрашивать «зачем». Она просто сжала его пальцы и написала:

«Я с тобой».

— Нет, — сказал он. — Это моё прошлое. Моя семья. Я должен сделать это один.

Она покачала головой. Её пальцы задвигались быстрее, жёстче:

«Ты не один. Ты никогда не был один. Я буду ждать тебя у ворот».

Он хотел возразить, но не смог. Она уже повернулась и

пошла вниз, оставляя его наедине со снегом и ветром.

Беренгар смотрел ей вслед, и вновь призадумался. Он не знал, что его ждёт в Реграде. Но он знал, что она будет ждать.

ЧАСТЬ 3: ТЕПЛО И ПЛОТЬ

Спустившись со стены, Беренгар не пошёл в казарму. Он вернулся в свою комнату, где в камине ещё тлели угли. За окном выла выюга, но здесь, за толстыми стенами, было почти тихо. Он сел у камина, глядя на огонь, и не заметил, как в комнату вошла Эленор.

Он не зажигал свечей — только огонь в очаге, его жёлто-красные языки отбрасывали на стены прыгающие тени, делали их живыми, дышащими. Плащ он скинул, кольчугу снял впервые за долгое время — плечи ныли от тяжести металла, на коже остались глубокие, тёмные следы от звеньев. Меч стоял у ноги, прислонённый к стене.

Эленор села рядом, почти вплотную, но не касаясь.

Она смотрела в огонь. Она не писала на доске уже час. А он ничего не спрашивал.

Тишина между ними была особой — не той, которая возникает, когда не о чем говорить, а той, когда не нужно слов.

Беренгар смотрел на неё, и внутри него, там, где раньше была пустота, теперь разгоралось что-то тёплое, почти болезненное. Он боялся этого чувства. Боялся, что оно сожжёт его изнутри. Или что оно исчезнет, как только он поверит в него.

— Ты знаешь, — сказал он тихо, — я никогда не умел... этого. Чувствовать. В псарне не учили любить. Учили убивать. Выживать. Молчать. А тут... — он замолчал, подбирая

слова. — Тут я смотрю на тебя и забываю, что за окном снег, голод, и смерть, и что где-то там, в темноте, кто-то уже идёт, чтобы убить нас всех.

Эленор повернулась к нему. Её серые глаза в свете камина казались тёплыми, почти золотыми. Она взяла доску и написала:

«Я тоже забываю. Когда ты рядом».

Беренгар усмехнулся — горько, уголками губ.

— Это глупо. Мы не имеем права забывать.

«Может, имеем. Хотя бы на одну ночь».

Она отложила доску.

И медленно, очень медленно, начала расстёгивать свою серую рубаху.

Беренгар замер. Не остановил. Не спросил. Только смотрел, как её пальцы, тонкие, с обломанными ногтями, скользят по грубой ткани, освобождая пуговицу за пуговицей.

Рубаха упала на пол.

Эленор сидела перед ним обнажённой до пояса. Огонь камина лизал её кожу, делая её золотистой, почти прозрачной в тех местах, где свет был ярче. Беренгар видел каждый шрам.

Их было много.

Длинный, белый, тянущийся от левого уха до середины шеи — работа топора Селвина. Он знал его. Целовал его ногами, когда она засыпала у него на плече. Грубый, выпуклый, похожий на застывшую смолу.

И ещё десятки мелких — порезы, ссадины, ожоги, — ко-

торые покрывали её тело, как карта войны, которую она вела с миром и с собой.

— Ты красивая, — сказал Беренгар. Голос его сел, стал низким, почти чужим. — Даже со шрамами. Или особенно со шрамами.

Эленор улыбнулась. Грустно, краешками губ. Взяла его руку и прижала к своей груди — туда, где сердце билось ровно, спокойно, чуть быстрее, чем обычно.

Он почувствовал тепло её кожи. Мягкость. Жизнь.

Внутри него вспыхнуло что-то дикое, первобытное, животное. Он хотел её. Не как воин хочет добычу — а как человек, который слишком долго был один, хочет прикосновения.

— Эленор... — прошептал он.

Она приложила палец к его губам. Покачала головой. Не надо слов.

Она потянула его рубаху вверх. Он помог. Стянул через голову, бросил на пол. Его тело тоже было в шрамах — длинные, рваные полосы от когтей, круглый след от пули, который вырезал Гурион в том походе — от той первой встречи с Волком в Причале Теней. Кожа там была стянутой, розовой, чувствительной даже спустя месяцы.

Эленор коснулась его шрамов кончиками пальцев. Провела по ним, как слепая, которая читает книгу. Пёсвздогнул — не от боли, а от ощущения.

Она подняла на него глаза. В них не было ни стыда, ни

страха. Только желание. Только вопрос: «Ты готов?»

Он наклонился и поцеловал её.

Губы у неё были холодными — она недавно вернулась со стены, — но внутри, за ними, горел огонь. Беренгар чувствовал его, когда её язык коснулся его губ, когда она прижалась к нему всем телом, когда её руки скользнули по его спине, сжали его, притянули ближе.

Они упали на медвежью шкуру перед камином. Небрежно, тяжело, как падают в пропасть — зная, что внизу ничего нет, кроме камней, но всё равно не удержавшись.

Он целовал её шею, ключицы, шрамы. Она тихо, беззвучно выдыхала, запрокидывая голову, и её дыхание было горячим, влажным, как пар над кипящим котлом.

— Ты мне снилась, — сказал он между поцелуями. — Каждую ночь. С тех пор, как мы встретились. Ты стояла на эшафоте, смотрела на меня, а топор всё падал и падал, и никак не мог долететь.

Эленор взяла его лицо в ладони, заставила посмотреть на неё. Её глаза были серьёзны.

«Я здесь», — прошептали её губы без звука. «Я жива. Ты спас меня».

— Я не спасал. Я стоял и смотрел.

«Ты убил короля. Ты назвал меня по имени — в ту ночь, когда мы ехали в Валию. Ты сказал: „Эленор“. Впервые. Я запомнила».

Беренгар не помнил этого. Может, сказал. Может, нет. Но

сейчас, глядя в её глаза, он верил.

Он снова поцеловал её. Крепче. Глубже. Не оставляя места для сомнений.

Она ответила.

Огонь в камине догорал, угли шипели и рассыпались пеплом. Тени на стенах сплелись в один неразличимый узор.

Беренгар чувствовал её дыхание на своей шее, тепло её тела, прижатого к нему. Чувствовал, как её пальцы скользят по его спине, замирая на каждом шраме, будто читая по ним его жизнь. И в какой-то момент, когда мир за окном исчез, растворился в белой вьюжной мгле, он подумал: «Это чувство — как пыль в глаза. Идеальная пыль, чтобы хоть ненадолго забыть о мёртвых псах и о новых врагах. Чтобы не слышать, как за стеной ветер выпевает похоронные песни. Чтобы просто быть здесь, сейчас, с ней».

Он знал, что это ненадолго. Знал, что утром придётся снова надеть кольчугу, взять меч, смотреть на заснеженную пустошь и ждать. Но сейчас — сейчас он позволял себе эту ложь.

Эленор подняла голову. Посмотрела на него, и в её глазах, влажных, блестящих, он увидел то же самое.

Она тоже знала.

И всё равно улыбнулась.

А за окном выла вьюга.

А они лежали, обнявшись, и не думали ни о смерти, ни о Порядке, ни о том, что где-то там, в темноте, уже стучали

колёса дрезины, унося на север нового надсмотрщика.
Они были вместе. И этого было достаточно.
Хотя бы на одну ночь.

ЧАСТЬ 4: КОТ

Ходжа ненавидел холод.

Эту ненависть нельзя было объяснить — она жила в нём на уровне инстинктов, на уровне костей, на уровне шерсти, которая вставала дыбом при малейшем дуновении ледяного ветра. Он был создан для солнца, для сухого горячего песка, для ночей, когда воздух прохладный, но не ледяной. Север был для него пыткой.

Но он ненавидел хаос ещё больше. А хаос уже поднимался на севере. И если он не остановит его сейчас — северный огонь перекинется на юг, на его пески, на его людей. Он шёл не ради Льва. Он шёл ради себя. Ради того, чтобы сохранить то, что ещё можно было сохранить.

Он выбрался из тоннеля где-то в пограничных землях, в нескольких днях пути до Бастиона. Люк был завален снегом, и Ходжа пробивался сквозь сугроб, выпустив когти, цепляясь за обледенелые камни. Лапы скользили, он пару раз чуть не упал и каждый раз мысленно проклинал тот день, когда согласился на это задание.

Но приказ есть приказ.

Ночь встретила его тишиной. Здесь, на севере, даже она была другой — не тёплой, не бархатной, а колючей, прозрачной, с яркими, холодными звёздами, которые, казалось, смотрели на него с презрением. Ходжа замер, пригнувшись.

Воздух пах снегом. Только снегом — и больше ничем. Ни песка, ни сухой травы, ни далёкого запаха южных городов, который он знал так хорошо. Чистота, которая пугала.

Он двинулся к ближайшей деревне — той, что отметил на карте ещё в южном тоннеле. Перед выходом он изучил до-несения лазутчиков: кто из местных недоволен новым советом, кто потерял близких при Жребии, у кого есть доступ к оружию или знаниям. В списке значилось несколько имён, но одно он запомнил особенно — человек, который жил на окраине, в доме с заколоченным окном. Говорили, что он проклинает Вальдемара каждую ночь.

Зверь шёл быстро, бесшумно, прижимаясь к земле, перебегая от укрытия к укрытию. Уши его вертелись, ловя малейший звук. Глаза, расширенные, янтарные, видели в темноте всё: каждую кочку, каждый куст, каждую замёрзшую лужицу у дороги.

Он ненавидел северную темноту. Она была не такой, как на юге — не живой, не пульсирующей, а мёртвой, давящей.

Деревня спала. Ходжа обошёл её по периметру, считая дома. Двенадцать. Три с зажжёнными огнями. Он остановился у крайнего, покосившегося, с дырявой крышей. Не потому, что знал. Потому что из-под двери доносился не просто свет — доносился звук. Кто-то плакал. Тихо, надрывно, как плачут только те, кто потерял всё. Ходжа знал этот звук. Он слышал его тысячи раз. И каждый раз он приводил его к нужному человеку.

Он постучал когтями в дверь.

— Открой, — сказал он тихо. — Я знаю, что ты не спишь.

За дверью зашаркали шаги. Лязгнул засов. На пороге стоял человек — низкорослый, с седыми усами и запавшими от недосыпа глазами. В одной руке он держал нож, в другой — масляную лампу. Увидев зверочеловека, он побледнел, но не закричал. Не отшатнулся. Словно ждал. Или уже не боялся ничего, кроме собственной беспомощности.

— Ты... — прошептал он. — Ты тот, о ком шепчутся на базарах? Зверь?

— Я тот, кто может дать тебе то, чего ты хочешь, — ответил Ходжа, стряхивая снег с усов. — Знания. Оружие. Технологии Древних. То, что ваши новые правители прячут от тебя. Но сначала скажи, как тебя зовут.

Человек замялся. Нож дрогнул в его руке. Глаза, больные, воспалённые, забегали по сторонам — от лица Ходжи к его когтям, от когтей к темноте за спиной. Казалось, он вот-вот захлопнет дверь. Но он не сделал этого.

— Лука, — выдавил он наконец. — Меня зовут Лука. И я... я потерял сына. Два года назад. Жребий забрал его. Сказали — «лишний». А он был не лишний. Он был единственным, кто у меня остался.

Ходжа смотрел на него. В глазах зверя мелькнуло понимание — не сочувствие, нет, но узнавание. Он видел эту боль много раз. И знал, как ею пользоваться.

— Ты хочешь вернуть то, что у тебя отняли? — спросил

Кот.

— Я хочу, чтобы они заплатили, — прошептал Лука, и в его голосе впервые прозвучала не тоска, а злоба. — Все они. И Вальдемар, и этот пёс, и их совет.

— Тогдапусти меня, — сказал Ходжа. — Я расскажу, как это сделать.

Лука колебался. Его пальцы сжимали нож, на лбу выступила испарина. Он смотрел на зверя, на его когти, на его плащ, и в голове его билась одна мысль: «Это предательство. Это смерть. Но я уже мёртв внутри». Он отступил на шаг. Потом ещё на один.

— А если я помогу тебе, — сказал Лука, — что будет со мной? Ты убьёшь меня, когда я стану не нужен?

Ходжа посмотрел на него. Долго. Потом сказал:

— Я не убиваю тех, кто мне полезен. Я убиваю тех, кто мне мешает. Ты будешь полезен. Пока будешь — ты жив. Когда перестанешь — я сам тебя предупрежу. Это честно?

Лука сглотнул. Потом кивнул.

— Входи, — сказал он и отошёл в сторону.

Ходжа шагнул через порог.

Внутри было тепло. Пахло хлебом, дымом и старой нищетою. На столе стояла недоеденная краюха, рядом — початая кружка с водой. В углу висела потрёпанная икона — какая-то древняя святая, которую никто уже не помнил.

— Рассказывай, — сказал Кот, садясь на табурет. Глаза его проблёскивали в темноте, отражая свет масляной лампы.

— Рассказывай, чем ты недоволен. И я скажу, сколько тебе это будет стоить.

Лука заговорил. Быстро, захлёбываясь словами, будто боялся, что если замолчит, зверь передумает и уйдёт. О новом совете, который не лучше старого. О налогах, которые всё равно дерут с бедняков. О Вальдемаре, который судит, как бог, а сам грешит не меньше. О Беренгаре, который убил короля, а теперь ходит в броне убитого зверя и считает себя героем. О том, что его сына увезли в колеснице, и он даже не знает, жив ли тот или мёртв.

Ходжа слушал и улыбался. Клыки блестели.

«Север, — думал он, — такой же, как Запад. Те же обиды. Та же жадность. Та же готовность продать ближнего за обещание власти. Только здесь это приправлено горем. Что делает их ещё более опасными».

— Ты поможешь мне, — сказал он, когда Лука замолчал. — Я дам тебе карту тоннелей. И схему, по которой ты сможешь открывать древние хранилища — там есть оружие, еда, лекарства. То, что сделает тебя сильным. А ты найдёшь мне других. Таких же, как ты. Недовольных. Готовых на всё.

Лука смотрел на карту, которую Кот развернул на столе. На ней были отмечены ходы, убежища, склады. Его глаза горели жадным, нездоровым огнём.

— А если меня поймают?

— Не поймают, — ответил Ходжа. — Ты будешь действовать тихо. Собирать людей, которые ненавидят новый совет

так же, как ты. Не больше трёх-четырёх человек. Никаких громких речей. Только шёпот. Когда настанет час — вы ударите.

— А ты? — спросил Лука. — Ты будешь с нами?

— Я буду рядом, — сказал Кот. — Но не всегда. Когда понадобится — приду.

Он поднялся. Надвинул капюшон на глаза.

— Я приду снова через три дня. Жди.

И вышел в ночь.

А снег всё падал и падал, замечая его следы.

ЧАСТЬ 5: ТО, ЧТО ГРЯДЁТ

В ту же ночь, за сотню миль от Бастиона, Беренгар не спал. Он сидел у окна в своей комнате — той самой, где час назад они с Эленор лежали на медвежьей шкуре у камина, — и смотрел на заснеженный двор. Плащ он снова накинул на плечи, кольчугу надел — привычка, от которой не мог избавиться.

Эленор спала на койке в углу. Она всегда спала чутко, но сейчас её дыхание было ровным, медленным. Беренгар не знал, снится ли ей что-то хорошее. Он надеялся, что нет. Хорошие сны в этом мире — только насмешка.

Он думал о звере, который скоро придёт за ним. О том, как тот идёт по тоннелям. О предателях, которые, наверное, уже ждут его. О том, сколько ещё людей умрёт, прежде чем они смогут нанести ответный удар.

Беренгар решил направиться к Вальдемару. Ему нужно было сказать, что он не поехал в Реград. Объяснить почему. Но сначала он зашёл в лазарет — проведать Каэла.

Его брат сидел в углу на табурете, перебирая старые свитки, которые принёс из архива. Рядом, на койке, сидела Зоряна — она пришла помочь, но в лазарете было тихо, и они просто были рядом. Она не умела лечить. Она постоянно ошибалась. Но она пыталась. И Каэл знал это.

Беренгар остановился в дверях, не решаясь войти. Он

смотрел на брата и думал о том, что они никогда не были близки. Что Каэл был немым писцом, а он — псом. Что они потеряли столько времени, столько лет, что уже не знали, как быть братьями.

Каэл поднял голову. Увидел Беренгара. В его глазах мелькнуло что-то — вопрос? Беспокойство? Он взял доску и написал:

«Ты не поехал?»

Беренгар шагнул внутрь, сел напротив брата.

— Нет, — ответил он. — Я должен был. Но если я поеду сейчас, я подставлю всех, город останется без защиты.

Каэл смотрел на него долго. Потом взял доску и написал:

«Ты боишься?»

Беренгар усмехнулся — горько, безрадостно.

— Боюсь, — сказал он. — Не за себя. За всех вас. И за неё тоже. — он кивнул на Зоряну.

Каэл опустил глаза. Его пальцы сжали доску. Он хотел написать что-то ещё, но не знал, что. Он чувствовал себя виноватым за то, что нашёл отца в списках. За то, что сказал брату. За то, что не мог сказать ему больше — словами, голосом, просто крикнуть: «Я боюсь тоже. Я боюсь, что мы потеряем всех».

Но он не мог. Он мог только смотреть.

Зоряна, сидевшая рядом, перевела взгляд с одного на другого. Она не знала, что происходит. Но она видела, как Каэл дрожит, как его пальцы сжимают доску до посинения. Она

медленно протянула руку и коснулась его плеча — легко, почти робко. Каэл вздрогнул, но не отстранился. Он только опустил голову, и его плечи чуть согнулись, будто он принял её тепло, но не знал, как на него ответить.

Беренгар посмотрел на них. На брата, который не мог говорить. На женщину, которая была рядом с ним. И понял, что они — его семья. Не только по крови. По выбору.

— Я пойду к Вальдемару, — сказал он, поднимаясь.

И вышел из лазарета.

Каэл смотрел на закрывшуюся дверь. Потом взял доску и написал для Зоряны:

«Я должен был сказать ему раньше».

Зоряна прочитала. Сжала его руку сильнее.

— Ты сказал ему сейчас, — ответила она. — Это главное.

Каэл закрыл глаза. Он не знал, как искупить свою вину. Он знал только, что должен попытаться.

А пёс решил вернуться к Эленор, хотел ещё на мгновение задержаться и посмотреть на её улыбку сквозь сон. Но, не успев насладиться моментом, в дверь постучали.

— Войди, — сказал он, не оборачиваясь.

Это был Селвин. Он вошёл, стряхивая снег с плаща. А в руках держал сложенный лист пергамента, залитый воском — печать совета.

— Только что пришло, — сказал он. — От наших лазутчиков.

Беренгар взял письмо, сломал печать. Прочитал. Лицо его

стало жёстче.

— Что там? — спросил Селвин.

— Они подтверждают. Новый зверь. Идёт к нам. Уже на полпути. — Беренгар поднял глаза. — Его зовут Ходжа.

Селвин молчал. Только перевёл взгляд на спящую Эленор, потом снова на Беренгара. На столе, между ними, лежала карта — та самая, что Каэл нашёл в архивах. С отмеченными тоннелями, убежищами Древних, складами оружия.

— Сколько у нас времени? — спросил Селвин.

— Неделя. Может, меньше. — Беренгар встал, сунул письмо за пояс. — Собираем совет. Нам нужно решать, что делать.

— А если он не один? Если за ним идут другие?

Молчун посмотрел на карту. На южные земли, где красовались три отметки звериными лапами.

— Тогда мы встретим их всех.

Селвин кивнул, но не ушёл сразу. Он стоял у двери, глядя на боевого товарища, и в его глазах была та же тяжесть, что и у всех в этой комнате.

— Мой меч с тобой, — сказал Селвин. — Но не только ради тебя. Ради них. — он кивнул в сторону спящей Эленор.

— Почему? — спросил Беренгар.

Селвин помолчал. Потом сказал тихо, почти шёпотом:

— Я убивал по приказу. Всегда. Сначала — во имя короля. Потом — во имя свободы. Я устал убивать. Я хочу умереть за тех, кто жив. Это единственное, что я могу дать им.

Беренгар смотрел на него долго. Потом кивнул.

— Я запомню, — сказал он.

Селвин вышел.

Беренгар остался один. Он подошёл к столу, посмотрел на карту, на тоннели, на отмеченные пути. Потом перевёл взгляд на спящую Эленор. Её лицо было спокойным, почти безмятежным. Он не хотел будить её. Он просто стоял и смотрел, чувствуя, как внутри него поднимается тяжесть — не та, что была раньше, а новая, незнакомая. Тяжесть ответственности за тех, кто поверил в него.

Он подошёл к окну, посмотрел на заснеженный двор. Там, за стенами Бастиона, уже шёл зверь. И он знал, что должен встретить его. Не ради мести. Ради тех, кто ждал.

Эленор во сне потянулась к нему, не открывая глаз, и он отошёл от окна, опустился рядом с ней на постель. Прижал к себе, укрывая от холода своим телом.

Она вздохнула и затихла.

«Неделя, — подумал он. — Неделя, чтобы подготовиться. Неделя, чтобы попрощаться».

Но с кем? И с чем?

«Месяц свободы» кончился.

ГЛАВА 2: ТЕНИ

Иногда тень падает не от света, а от того, что ты перестал верить в себя.

ЧАСТЬ 1: КЛАДБИЩЕ

Селвин ушёл до рассвета.

Он не хотел, чтобы его видели. Не потому, что стыдился — он давно разучился стыдиться. Просто не хотел слышать пустых слов утешения, не хотел отвечать на вопросы, которых никто не задавал. Он хотел тишины.

Кладбище лежало за северной стеной Бастиона, там, где земля была каменистой и бесплодной — туда не ходили даже за грибами в самые голодные годы. Теперь она стала домом для тысяч.

Селвин пробирался через сугробы, то и дело проваливаясь в глубокий снег, хватаясь за обледевшие кресты, чтобы не упасть. Холод пробирался под плащ, сквозь кольчугу, заставлял пальцы неметь, но он не чувствовал этого. Или делал вид, что не чувствует.

Вокруг, насколько хватало глаз, чернели свежие могилы. Деревянные кресты, наспех сколоченные из досок от разобраных телег, торчали из сугробов, как руки утопающих.

Под ними лежали те, кто погиб в тот день, когда король Теодорик поливал площадь свинцом из древнего оружия. Те, кто умер от ран в лазарете. Те, кого зарезали мародёры. Те, кто замёрз насмерть, когда зима пришла внезапно.

Тысячи.

Селвин остановился, перевёл дыхание. В воздухе пахло снегом и ещё чем-то — сладковатым, приторным, как запах старых цветов, которые кладут на могилы, чтобы скрыть запах тлена.

Он двинулся дальше, вглядываясь в надписи на крестах. Большинство были безымянными — только грубые зарубки, обозначающие, что здесь лежит человек. Но некоторые сохранили имена.

Могила Алдра нашлась у самой стены, под старым, голым дубом. Холмик был выше других — псы постарались. Крест грубый, сколоченный наспех, но прочный. На доске кто-то вырезал ножом:

«АЛДР. ПЁС. ВОИН. БРАТ»

Ни дат. Ни званий. Только это.

Селвин опустился на колени. Снег скрипнул под тяжестью тела. Он положил ладонь на холодную землю и замер.

— Ты говорил, что мы победим, — сказал он тихо. — Ты говорил, что новый порядок будет лучше. Что свобода стоит крови. Ты верил в это. А я нет. Я никогда не верил. Я просто убивал. Сначала во имя Порядка. Потом во имя свободы. Разницы нет. Везде льётся кровь. Вопрос только — чья.

— А теперь ты здесь. А они там, за стенами, ссорятся за хлеб, торгуют краденым, предают своих за обещание старых технологий. И я не знаю, зачем мы всё это начали.

Он сжал землю в кулаке. Снег растаял, оставив только грязь.

— Я знаю одно. Я не дам этому миру умереть. Не после того, что мы сделали. Не после того, что ты сделал. Отдыхай, старый пёс. Ты заслужил покой.

Он поднялся. Не оглядываясь, пошёл прочь, оставляя за собой глубокие следы.

А снег всё падал и падал, замечая свежие могилы, стирая имена, делая всех равными — тех, кто верил, и тех, кто не верил, тех, кто убивал, и тех, кто умирал.

ЧАСТЬ 2: ЗОРЯНА

Снег перестал идти только под утро.

Зоряна проснулась от того, что печь почти погасла. В избе было холодно — не так, как на улице, но достаточно, чтобы пальцы ног немели под одеялом. Она села на постель, потянулась, глядя на мутное окно, за которым серело небо, и почувствовала знакомую, ноющую тяжесть в груди.

Сегодня снова идти в лазарет. Сегодня снова будут кричать раненные, и у неё опять задрожат руки. Сегодня Матильда вздохнёт, Фома хмыкнет, а Бенедикт скажет: «Отойди, девочка. Сам сделаю».

Она встала, накинула тулуп — старый, дырявый, перешитый из отцовского. Заплела волосы в косу, но пряди всё равно выбивались, падали на лицо, лезли в глаза. Истопила печь, поставила греться воду. Съела кусок чёрствого хлеба, запила снегом.

Дорога до Бастиона занимала час, если не сбиваться с тропы. Зимой — полтора: сугробы выше пояса, ветер в лицо, снег за шиворот. Но она ходила каждый день, даже когда болела. Потому что если она не придёт, кто-то может умереть.

Ирония в том, что с её помощью умирали чаще.

Она знала это. Знала, но не могла признаться даже себе.

Она шла по пустой дороге, и мысли сами собой возвращались к матери. Мать была знахаркой — настоящей. Она

знала травы, корни, настойки. Она могла остановить кровь за несколько минут, вытянуть гной из раны, унять лихорадку. Её руки были всегда тёплыми, будто она носила в себе маленькое солнце.

«Запомни, дочка, — говорила она. — Корень девясила — от кашля. Лист подорожника — для ран. Календула — для заживления. Запомни порядок. Не перепутай».

Зоряна помнила. Она могла назвать любую траву, любой рецепт. Но когда пришло время применять, пальцы не слушались.

Мать умерла, когда Зоряне было двенадцать. Болезнь, которую не смогли вылечить никакие травы. Она угасала медленно, но каждый день учила дочь чему-то новому, будто знала, что не успеет.

Зоряна закрыла глаза и увидела мать — живую, улыбающуюся, с вечно испарапаннными руками. А потом открыла — и вокруг был только снег...

Лазарет встретил её привычным хаосом.

Раненых принесли ещё ночью — трое псов, попавших в засаду на западной дороге. У одного была разорвана рука — глубокие раны, до кости. У второго — пробито плечо стрелой, рана гноилась. У третьего, самого тяжёлого, была вмятина на голове — он не приходил в сознание.

Матильда уже была на месте — засучив рукава, она перевязывала пса с раненой рукой.

— Зоряна, вода! — крикнула она, не оборачиваясь.

Зоряна метнулася к печи, схватила котелок, чуть не обожглась — кипяток плеснул на пальцы, и она зашипела от боли. Поставила котелок на таган. Пока вода грелась, принялась резать бинты. Пальцы дрожали.

«Раз, два, три...» — начала она считать про себя, как учила мать. «Четыре...»

Она должна была нарезать полосы шириной в два пальца. Но рука дрогнула, и бинт расползся неровно, с рваными краями.

«Пять, шесть...»

— Не так, — сказала Матильда, покосившись на неё. — Ты режешь слишком широко. Ткань будет сползать. Переделай.

«Семь, восемь...»

Зоряна сжала зубы. Переделала. Получилось лучше, но пальцы всё равно тряслись.

«Девять, десять. Выдохнуть. Начать заново».

— Где настойка для промывания? — спросил Фома, возившийся с раненым псом.

Зоряна протянула склянку, но не ту — перепутала. Фома понюхал, поморщился:

— Это не то. Ты что, ослепла?

Она быстро убрала склянку, нашла нужную. Сердце колотилось — она чувствовала его удары в висках, в пальцах, в груди. Счёт сбился.

«Раз, два, три...» — попробовала она снова, но цифры

путались, превращались в кашу.

— Помоги мне с раной на ноге, — сказал Фома, указав на мужика, которого принесли из западной деревни. У того была гнилая царапина на голени, уже почерневшая по краям. — Будешь убирать омертвевшую кожу. Аккуратно. Поняла? Зоряна кивнула. Взяла пинцет. Поднесла к ране.

«Раз, два, три. Четыре, пять...»

Она должна была ухватить край омертвевшей кожи и потянуть. Плавно, медленно, не дёргая.

«Шесть...»

Пинцет дрогнул.

«Семь, восемь...»

Она нажала сильнее, чем надо. Мужик закричал, выгнулся на столе. Кровь хлынула. Фома оттолкнул её, сам взялся за пинцет, быстро, уверенно убрал кожу, залил рану настойкой. Мужик умолк, только стонал тихо.

«Девять, десять, одиннадцать... сбилась. Начать заново».

— Выйди, — сказал Фома, не глядя на неё. В его голосе не было злости. Он сказал это спокойно, будто просил подать бинты. Но Зоряна услышала. И поняла.

Она выбежала в коридор, прижимая руки к груди. Слёзы текли сами собой, горячие, обжигающие щёки. Она ударила кулаком в стену — раз, другой, третий. Кожа на костяшках треснула, выступила кровь. Но боль была не такой сильной, как внутри.

«Почему у меня не получается? — думала она, сжимаясь

в комок у стены. — Мама, почему? Я помню всё, что ты говорила. Календула для заживления, подорожник для ран, девясил от кашля. Я знаю травы, знаю рецепты, но руки... руки не слушаются. А если слушаются — сердце сбивается. Я никогда не смогу тебя заменить. Никогда никого не спасу».

Она просидела так долго, не зная, сколько прошло времени.

А когда она поднялась и пошла к выходу из лазарета, она не заметила, как в темноте коридора мелькнула тень. Или ей показалось. Она уже не была уверена ни в чём...

Дорога домой заняла больше времени, чем обычно. Ноги гудели, в голове шумело. Зоряна почти дошла до своей деревни, когда заметила, что у её избы горит свет.

Она не зажигала свечу с утра.

Девушка замедлила шаг. Рука потянулась к ножу — маленькому, тупому, который она носила для защиты от зверей. Но понимала: если кто-то пришёл убивать, нож не поможет.

Она толкнула дверь.

На лавке, у печи, сидел он.

Высокий, сутулый, в чёрном плаще, который пах снегом и чем-то чужим — пустыней, жарой, кровью. Лица не было видно — капюшон скрывал его полностью. Но когда он поднял голову, Зоряна увидела янтарные глаза.

Вертикальные зрачки. Уши с кисточками, торчащие из прорезей капюшона.

Она не закричала. Не захлопнула дверь. Не потому, что была храброй — потому что внутри уже не осталось сил на страх.

— Ты замёрзла, — сказал он. Голос был хриплым, мягким, будто он не говорил, а мурлыкал. Он встал, подошёл к печи, подкинул дров. — Садись. Грейся.

Зоряна села. Изумлённая, сбитая с толку.

— Я не причиню тебе вреда, — сказал он, возвращаясь на лавку. — Я пришёл не убивать. Я пришёл помогать.

— Кто ты? — прошептала она, чувствуя, как от печи разливается тепло. — Ты... ты Зверь?

Он усмехнулся — уголком рта, безрадостно.

— Я тот, кто может дать тебе то, чего ты хочешь. Знания. Рецепты Древних. Лекарства, которые исцеляют быстрее, чем отвары Матильды. Быстрее, чем всё, что вы умеете.

Зоряна замерла.

— Почему я?

— Потому что ты хочешь помогать. И потому что у тебя ничего не получается. — Он наклонил голову, и его янтарные глаза вдруг стали мягче, почти человеческими. — Я знаю тебя, Зоряна. Твоя мать была знахаркой. Она умерла, не успев передать тебе своё мастерство. Ты бродишь в потёмках, пытаешься лечить, но только калечишь. Скоро кто-нибудь умрёт из-за тебя по-настоящему. И ты этого не переживёшь.

Она вздрогнула. Никто не знал этого. Никто, кроме неё.

— Откуда тебе известно про маму?

— Я много знаю. Я живу долго. Я видел таких, как ты. Не раз. — Он помолчал. — Ты не сдаёшься. Ты идёшь через снег, терпишь насмешки, прощаешь равнодушие. Твоя мать гордилась бы тобой.

Зоряна почувствовала, как к горлу подступил комок. Никто — слышишь, никто! — не говорил ей этого. Ни Матильда, ни Фома, ни Бенедикт. Даже Каэл, который был добрее всех, написал только «Ты учишься».

А этот — зверь, чужак, враг — сказал «гордилась бы».

— Что ты предлагаешь? — спросила она, чувствуя, как голос предательски дрожит.

— Я дам тебе рецепты и навык. Ты будешь лечить людей. А взамен — всего лишь расскажешь мне, что говорят в Бастионе. Кто приходит, кто уходит, какие раны зашивают, какие письма читают вслух, а какие прячут. Маленькие услуги.

— Это предательство.

— Это выживание. И помощь тем, кто жив. — Кот подался вперёд, и Зоряна увидела его лицо — узкое, кошачье, с длинными усами, которые шевелились, как щупальца. — Какая разница, кто тебе дал знание, если ты сможешь спасти ребёнка, которого не может спасти никто?

Зоряна смотрела в янтарные глаза. В них не было угрозы. Только искушение.

Чистое, прозрачное, как лёд.

Он ждал.

А девушка думала о матери. О её тёплых руках. О мёртвых глазах тех, кого не смогла спасти. О насмешках Фомы. О вздохах Матильды. О Каэле, который написал «Ты учишься», и о том, что это, возможно, было единственной правдой, которую она слышала за последний год.

Она вспомнила, как сегодня утром перепутала настойки. Как Фома оттолкнул её. Как мужик закричал, когда пинцет вонзился в рану. И как она сидела в коридоре, сжимая кулаки, и ненавидела себя.

Она хотела сказать «нет». Хотела выбежать из дома, позвать стражу, сделать вид, что этого разговора не было. Но она знала: если скажет «нет», она вернётся в лазарет, где её снова будут отталкивать. Где она снова будет бесполезной. Где она никогда не станет той, кем хотела быть.

— Хорошо, — сказала она, и голос её дрогнул. — Я согласна.

Кот поднялся. Когти царапнули деревянный пол.

— Я приду снова через три дня. Приготовь отчёт.

Он протянул ей маленький кожаный мешочек. Тёплый.

— Это первый рецепт. Заваривать кипятком, принимать по глотку два раза в день. Раны затягиваются за сутки, лихорадка спадает за час.

Зоряна взяла мешочек. Пальцы — красные, в трещинах от холода — дрожали. Тряпица с сухарём выпала из кармана, и она не заметила.

Зверь вышел. Дверь хлопнула.

Зоряна осталась одна, сжимая в кулаке предательство, упакованное в кожу и травы.

Она стояла так долго, не двигаясь. Потом медленно опустилась на лавку, развязала мешочек, понюхала. Пахло странно — незнакомо, чужо, но не противно. Смесь сушёных трав, порошка коры и ещё чего-то, чего она не могла определить. И слабый, едва уловимый запах металла.

«Первый шаг, — подумала она. — Обратной дороги нет».

За окном выла выюга. А где-то в поле, в сугробах, лежал забытый сухарь. А рядом с ним — следы когтистых лап, уходящие в ночь.

ЧАСТЬ 3: СОВЕТ

Зал совета в бывшей королевской резиденции Бастиона никогда не был уютным. Даже сейчас, когда жаровни топили с утра, здесь царил холод, который пробирал не столько тело, сколько душу. Стены, помнившие шёпот заговорщиков и звон королевских шпор, теперь хранили молчание. Тяжёлое, давящее, как крышка гроба.

Вальдемар сидел во главе длинного дубового стола, опираясь на посох. Его лицо в тусклом свете казалось восковым, морщины стали глубже, а под глазами залегли тени — не от недосыпа, а от груза, который он тащил последние месяцы.

Каэл стоял у окна, вцепившись пальцами в подоконник. Доска висела на поясе, но он не писал. Он смотрел на заснеженный двор, где редкие патрули волокли дрова к казармам, и думал о своём — о брате, которого не называл братом, о южных землях, которые видел только на древних картах, о Зоряне, которая недавно перепутала настойки и плакала в коридоре, а он не мог даже сказать ей: «Всё будет хорошо».

Матильда сидела на скамье у стены, укутанная в старый шерстяной плащ. Её руки — узловатые, в пигментных пятнах, — перебирали чётки, но она не молилась. Она считала. Считала мёртвых. Считала раненых. Считала тех, кто не встанет завтра.

Беренгар сидел напротив Вальдемара, положив руки на

стол. Кольчугу он снял — нестерпимо давила плечи.

Эленор заняла место в тени у колонны, так, чтобы видеть всех и оставаться незаметной. Её доска лежала на коленях, пальцы сжимали мел. Она не писала. Слушала. Смотрела. И ждала.

Её взгляд то и дело возвращался к Вальдемару.

Бывший епископ чувствовал это. Он не поднимал глаз, говорил, глядя в стол или на других членов совета. Но на неё — не смотрел. Никогда.

Матильда кашлянула, привлекая внимание.

— Если считать псов новой стражи — полсотни. Если считать ополченцев из горожан — ещё двадцать. Если считать тех, кто умеет держать меч и не бежать при виде крови... — она помолчала. — Меньше тридцати.

— А тех, кто готов сражаться за новый порядок? — спросил Селвин, стоявший у стены. Его голос был ровным, почти безразличным, но каждый, кто знал его, слышал горечь.

Матильда покачала головой.

— Я лечила их три месяца. Я видела их глаза. Когда они приходят с перевязанными ранами, они благодарят. Когда уходят в лазарет, молятся. Но сражаться... — она вздохнула, и этот вздох прозвучал как приговор. — Сражаться за свободу никто не хочет. Они хотят жить. И не знают, как это сделать без приказов сверху.

Беренгар сжал кулак. Он хотел сказать что-то резкое, но слова застряли в горле. Потому что он знал: Матильда права.

— Что у нас с оружием? — спросил старик.

Молчун выложил на стол то, что осталось от арсенала. Автомат — чёрный, матовый, с потёртостями на стволе. Один магазин. Тридцать патронов. Пистолет Волка — два патрона. Две гранаты.

— Этого хватит, чтобы завалить тоннель, — сказал он. — Но не чтобы остановить армию.

Эленор, слушавшая всё это с каменным лицом, вдруг взяла доску и написала:

«Значит, мы почти безоружны».

Вальдемар прочитал. Ничего не ответил. Только отвернулся.

Она почувствовала это — его стыд. Он не смотрел на неё. Не мог. И это была не жалость. Это была вина. Вина, которую он не мог искупить. Потому что знал: никакие слова не вернут её мать. Никакие дела не заставят её забыть ту старуху на площади, зарезанную его приказом.

Она не писала больше. Только смотрела.

— Лазутчики, — сказал Беренгар, нарушая тишину. — Что с ними?

Селвин покачал головой.

— Трое за последнюю неделю. Ни один не вернулся. Я отправил их в старые тоннели. Они должны были проверить, идёт ли зверь. Но они молчат.

— Значит, он их убил, — сказала Матильда.

— Или перекупил, — ответил Селвин.

В комнате повисла тишина. Такая тишина, когда слышно, как скребутся мыши за стеной.

Каэл, стоявший у окна, обернулся. Его взгляд встретился с братом. Он взял доску и написал:

«Я могу пойти в тоннели. Я знаю карты лучше всех».

Беренгар покачал головой.

— Нет. Ты нужен здесь.

Каэл опустил голову. Он хотел возразить — но не мог.

— Тогда я пойду, — сказал Селвин, поднимаясь. — Возьму с собой двоих. Проверим выходы. Узнаем, где он прячется.

— А если он убьёт тебя? — спросил Беренгар.

— Тогда вы узнаете, что он там. Это тоже информация.

Вальдемар хотел возразить, но Селвин уже направился к двери.

— Возвращайся живым, — сказал Вальдемар.

— Постараюсь, — бросил Селвин и вышел.

Тишина стала ещё тяжелее.

В дверь постучали. Два коротких удара — условный знак совета.

— Войдите, — сказал Вальдемар.

На пороге стоял молодой пёс, запыхавшийся, с раскрасневшимися от мороза щеками.

— Господа, — сказал он. — Только что пришло донесение из Реграда. Там беспокойно. Люди собираются на площади, слушают каких-то проповедников. Говорят, что новый со-

вет — безбожная власть. Что старый порядок был даром божьим. И что того, кто убил короля и зверя, ждёт кара небесная.

Беренгар усмехнулся. Страшно, одними губами.

— Вот уже и кара, — сказал он. — Не успели мы начать, а нас уже проклинаят.

— Кто говорит? — спросил Вальдемар.

— Священники. Из тех, кто уцелел после восстания. Они призывают людей вернуться к старому порядку. Молятся. Раздают еду. И их слушают.

— Потому что еду они раздают, — сказала Матильда. — А мы — нет.

— Мы и так раздаём, — возразил Беренгар.

— Мало, — ответила она. — И не тем.

Вальдемар потёр переносицу.

— Мы не можем послать войско в каждую деревню, где бродят проповедники. У нас нет сил.

— Но мы можем послать туда тех, кто может знать этих людей, — сказал Беренгар. — Я поеду. Эленор со мной.

Вальдемар посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Это может быть ловушкой.

— Это может быть нашим единственным шансом узнать, кто за ними стоит, — ответил Беренгар.

Эленор взяла доску:

«Мы уедем на рассвете».

Вальдемар хотел возразить, но слова застряли в горле. Он

посмотрел на Эленор — его взгляд был полон вины, которую он не мог выразить. И та отвернулась первой.

— Хорошо, — сказал он. — Но будьте осторожны.

— Он уже знает, — сказал Беренгар. — Он знает всё.

Совет закончился.

Все расходились молча, не глядя друг на друга.

Эленор задержалась у двери. Обернулась.

Вальдемар смотрел на неё — как смотрят на приговор, который не могут отменить.

Она взяла доску и написала одно слово:

«Почему?»

Он не ответил. Он знал, о чём она спрашивает. Почему не спас её мать? Почему отдал приказ молчать? Почему позволил убить?

Но ответа не было.

Он отвернулся первым.

Эленор вышла...

А в подземельях Бастиона, за толстыми каменными стенами, в сырых, вонючих камерах, двое предателей тихо переговаривались.

— Он идёт, — шептал Модест, прижимаясь к холодной стене. — Я чувствую запах зверя.

— Скоро, — отвечал Ромуальд. — Скоро он откроет эти двери.

— А мы выйдем, — Модест усмехнулся, и в его смехе было столько безумия, сколько не выдержала бы ни одна чело-

веческая душа. — Выйдем и покажем им, что такое настоящий порядок.

Они замолчали.

Только крысы шуршали в углах.

Только ветер выл за стенами, неся в Бастион запах снега и грядущей войны.

ЧАСТЬ 4: РЕГРАД

Ночь опустилась на Реград тяжело, как крышка гроба.

Церковь стояла на окраине, притулившись к старой стене, которую никто уже не помнил, зачем строили. Снег засыпал крышу, слепил окна, прятал ступени. Внутри было холодно, темно и тихо. Только редкие свечи догорали у алтаря, да где-то под куполом возились голуби.

Гедрих сидел на скамье в первом ряду, сжимая в руках чётки. Пальцы его — узловатые, в трещинах и мозолях — перебирали деревянные бусины, но губы не шевелились. Он давно забыл слова молитв. Или не хотел их вспоминать. Он молился молча, как учила его мать: «Бог слышит сердце, а не голос».

Он думал о жене. Об Ильме.

Она умерла через год после того, как у них забрали последнего из сыновей. Не от болезни — от тоски. Говорила мало, ела ещё меньше, а по ночам вставала и смотрела в окно, туда, где дорога уходила в Лунную пустошь. Ждала. Надеялась. А потом просто легла и не проснулась.

Гедрих остался один. Церковь стала его домом. Священники — семьёй. Он не знал, во что верит. В Бога, которого никогда не видел? В Порядок, который отнял у него всё? В новый совет, о котором шептались, но который не приносил облегчения? Он просто молился. Потому что не знал, что

ещё делать.

Рядом с ним, на соседних скамьях, сидели ещё трое священников. Они молились о мире. О хлебе. О тепле. О тех, кто ушёл в колесницах и не вернулся.

И тут дверь церкви скрипнула.

Гедрих поднял голову. Остальные тоже обернулись.

На пороге стоял человек. Высокий, в чёрном плаще, с капюшоном, надвинутым на глаза. Снег таял на его плечах, и пар поднимался от одежды, будто он только что вошёл из холода, но не чувствовал его. Лица не было видно — только смутные очертания, да янтарный блеск из-под капюшона.

— Я не причиню вам вреда, — сказал он. Голос был низким, хриплым, но в нём звучала такая усталость, что священники невольно расслабились. Усталость не врёт.

— Кто ты? — спросил молодой священник, поднимаясь со скамьи. — И зачем пришёл в ночное время?

— Меня зовут Ходжа. Я — тот, кто помнит старый мир.

Он шагнул внутрь. Бесшумно, почти невесомо. Подошёл к алтарю, остановился. Снял капюшон.

Священники ахнули. Они увидели лицо — узкое, кошачье, с вертикальными зрачками и тонкими усами, с песочной шерстью, которая в свете свечей отливала медью. Но в этом лице не было угрозы. Только то, что он сам носил в себе годами. Печаль.

— Ты зверь? — спросил старый священник, пятясь к стене.

— Я тот, кто сражался за этот мир, когда вы ещё не родились. И тот, кто видел, как он рушится. — Ходжа не повысил голоса. Он говорил тихо, будто в исповедальне. — Вы молитесь, но не знаете, кому. Вы просите хлеба, но не знаете, у кого. Вы устали. Я знаю.

Гедрих поднялся.

— Зачем ты пришёл?

Ходжа посмотрел на него. Долго, внимательно, будто читал его жизнь по лицу.

— Я пришёл не воевать. Я пришёл помочь.

— Помочь? — переспросил молодой священник. — Нам не нужна помощь зверя.

— А нужна ли вам помощь тех, кто называет себя новым советом? — Ходжа повернулся к нему. — Вальдемар был на вашей стороне. Он знал ваши тайны. И он продал их за власть. Новый совет не лучше старого. Они дерут налоги, казнят несправедливо, забыли о тех, кто верит. А вы молитесь и ждёте чуда. Чуда не будет.

— А ты можешь дать нам чудо? — спросил другой священник.

— Я могу дать вам хлеб. Лекарства. Тепло. — Ходжа вытащил из-под плаща небольшой мешок — кожаный, туго затянутый. Поставил на ближайшую скамью. — Это первый дар. И не последний.

— Что ты хочешь взамен? — спросил Гедрих.

Ходжа посмотрел на него. В его янтарных глазах мельк-

нуло что-то, похожее на уважение.

— Слово. Скажите людям правду. Вальдемар предал церковь. Новый совет не имеет права на вашу веру. Старый порядок был жесток, но он был честен. А новый — притворяется добрым, а сам позволяет людям умирать от голода и холода.

— Это неправда, — сказал молодой священник.

— А что такое правда? — Ходжа повернулся к нему. — Правда — это то, во что верят люди. Вы верите в Бога, которого не видели. Я не говорю, что это плохо. Я говорю только: ваш новый совет не дал вам ничего, кроме обещаний. А я даю хлеб. Здесь и сейчас.

Он помолчал, давая словам осесть.

— Я не прошу вас убивать. Я не прошу вас предавать. Я прошу вас говорить то, что вы видите своими глазами. Люди умирают. Холод, голод, болезни. А новый совет делает вид, что всё хорошо. Скажите им правду. Не для меня — для них.

— А если мы откажемся? — спросил Гедрих.

Ходжа встал. Не угрожающе, а мягко, будто хотел уйти, но не решался.

— Тогда я уйду. И больше не вернусь. Вы останетесь с вашей верой, с вашими молитвами и с вашими пустыми желудками. — Он накинул капюшон. — Выбор за вами.

Он направился к двери. Не спеша, не оглядываясь.

— Постой, — сказал Гедрих.

Ходжа остановился. Не обернулся.

— Ты знаешь, что с ними стало? — Голос старого гончара дрожал. — С моими мальчиками? Они живы?

Ходжа молчал долго. Так долго, что Гедрих решил — не ответит. Но потом зверь повернул голову, и в прорези капюшона блеснули янтарные глаза.

— Я знаю, — сказал он. — Беренгар и Каэл. Они живы. Они воины. Они сражаются за новый порядок, но скоро поймут, что ошиблись.

— Где они? — прошептал Гедрих.

— Не сейчас, — ответил Ходжа. — Сначала помоги мне. Помоги людям увидеть правду. А потом... потом я покажу тебе твоих сыновей.

— Врёшь, — сказал молодой священник. — Он врёт, Гедрих. Не верь ему.

— А почему я должен верить тебе? — спросил Гедрих, не сводя глаз с Ходжи.

— Потому что у тебя нет выбора, — ответил Кот. — Ты можешь остаться здесь, молиться и умереть. Или ты можешь попытаться выжить. И когда-нибудь обнять тех, кого потерял.

Гедрих сжал чётки так, что дерево хрустнуло.

— Я согласен, — сказал он. — Но не ради старого порядка. Ради них.

Ходжа кивнул.

— Я приду снова через седмицу. Приготовь тех, кто будет говорить с людьми. И молись, Гедрих. Молись за сыновей.

Скоро ты их увидишь.

Он вышел. Дверь хлопнула.

В церкви стало тихо.

Гедрих долго смотрел на дверь. Потом перевёл взгляд на мешок.

— Возьмите, — сказал он священникам. — Раздайте нуждающимся.

— А взамен? — спросил молодой священник.

Гедрих закрыл глаза.

— Взамен мы будем молиться. Как и раньше. Только теперь — за тех, кто нас не слышит...

Снег падал за окном, укрывая старую церковь, как саван. В полумраке, у алтаря, догорали свечи. И янтарные глаза давно исчезли в ночи.

Но чувство, что за ними наблюдают, осталось.

ГЛАВА 3

Дорога в никуда — это не та дорога, где нет цели. Это та, где цель меняется с каждым шагом.

ЧАСТЬ 1: НОЧНОЙ ГОСТЬ

Ночь опустилась на Бастион глубокая, чёрная, без единой звезды. Каэл сидел в архиве один.

Масляная лампа догорала, фитиль чадил, отбрасывая на стены жёлтые, дрожащие тени, похожие на пальцы, которые тянутся к нему из темноты. Свитки и книги громоздились на столе — старые, пыльные, с выцветшими чернилами. Немой писец перебирал их механически, не глядя, не читая. Он не видел букв. Перед глазами стояло другое.

Он вспомнил тот вечер, когда Зоряна сидела у его постели, когда он болел. Она перепутала настойки, обожгла его кожу, чуть не задушила подушкой. Но она не уходила. Она просто была рядом.

В тот вечер он сделал то, чего не делал никогда — открыл рот при ком-то. Широко, насколько мог. Показал ей пустоту там, где должен был быть язык. Чёрный провал, рубцы, стянутую кожу.

Зоряна замерла. Ложка выпала из её рук. Но она не закри-

чала. Не отшатнулась. Только смотрела, и в её глазах он увидел не отвращение — ужас. Ужас перед тем, что люди могут делать с людьми.

«Зачем ты показал?» — прошептала она.

Он не ответил. Не мог.

Но в ту ночь, когда она уснула, свернувшись клубком у его постели, он долго смотрел в потолок и думал: «Почему у меня отняли голос? Почему я не могу сказать ей, что она красивая? Почему я не могу крикнуть, когда больно?»

Каэл поднял голову. В окно стучал снег. Где-то далеко выла вьюга.

Беренгар и Эленор уехали в Реград на рассвете. Селвин спустился в тоннели. В Бастионе остались старики, больные, да те, кто не мог держать оружие. И он.

Он думал о Зоряне. О том, как она перепутала настойки, и Фома оттолкнул её, и она выбежала в коридор, чтобы плакать. Он хотел пойти за ней. Написать: «Не плачь. У тебя получится». Но не пошёл. Потому что боялся, что она увидит в его глазах жалость. А жалость — хуже равнодушия.

И вдруг он понял — в комнате кто-то есть.

Каэл поднял глаза. На подоконнике, свесив ноги вниз, сидел он. Высокий, сутулый, в чёрном плаще. Капюшон был откинут, и в тусклом свете лампы горели янтарные глаза. Кот. Ходжа. Тот, кого все боялись, но кто сейчас смотрел на писца с пугающим спокойствием.

Парень не закричал. Не мог. Лишь сжал пальцы, вцепив-

шишь в край стола, и замер. Сердце колотилось где-то в горле.

— Тихо, — сказал зверь, спрыгивая с подоконника. Бесшумно, как кошка. — Я не причиню тебе вреда. Если бы я хотел убить, ты был бы мёртв ещё до того, как открыл глаза.

Он подошёл ближе. Не спеша, не прячась. Просто шагнул в свет лампы, и Каэл увидел его лицо — узкое, кошачье, с вертикальными зрачками и песочной шерстью.

— Ты боишься, — сказал Кот. Не спросил — утвердил. — Не за себя. За брата. За «неё». За тех, кто уехал в Реград и не знает, что их там ждёт.

Каэл не писал на доске. Не шевелился. Но Ходжа читал его, как раскрытую книгу.

— Я вижу твои мысли по глазам, — продолжал зверь. — По тому, как дёргается веко. Как сжимаются кулаки. Твоя доска не нужна. Твои жесты не нужны. Я читаю тебя напрямую. Никто из твоих близких не умеет этого. А я умею.

Он наклонил голову.

— Знаешь, кто ещё так умел? Твоя мать. И отец. Это перешло тебе. Ты просто не знаешь, как этим пользоваться.

Каэл замер. Мать. Отец. Он не помнил их лиц. Только смутные тени, запах глины, чьи-то тёплые руки.

— Я знаю о тебе всё, — голос Кота стал тише, мягче. — Я знаю, что каждую ночь ты смотришь на пустую стену и представляешь, как говоришь. Как зовёшь брата по имени. Как шепчешь её имя — той, кто не умеет лечить, но лечит тебя одним своим присутствием.

Каэл почувствовал, как к горлу подступил комок. Он просто стоял и смотрел в янтарные глаза, которые видели его насквозь.

— Ты хочешь говорить, — сказал Ходжа. — Я могу дать тебе эту возможность.

Зверь достал из-под плаща маленький контейнер — металлический, с ржавыми потёками, запотевший изнутри. Каэл смотрел. Внутри было пусто.

— Это сосуд, — сказал Кот. — В нём можно хранить живую плоть. Я принёс его пустым, потому что выбор за тобой.

Каэл поднял глаза.

— Тело Волка не разлагается. Наши клетки живут даже после смерти. Язык, который ты возьмёшь... он приживётся. Ты сможешь говорить. Но операция сложная, и провести её можно только там, где есть инструменты Древних. На Юге.

Зверь помолчал.

— Если ты согласишься помочь мне... я помогу тебе. Ты сам возьмёшь язык. Ты сам сделаешь первый шаг. А я сделаю всё остальное.

Ходжа положил контейнер на подоконник.

— Он будет ждать здесь, — сказал он. — Когда решишься — возьмёшь. И тогда мы поговорим.

Каэл смотрел на контейнер. Не отрываясь. Внутри него боролись два голоса. Один шептал: «Это предательство. Ты предашь брата, предашь всех, кто тебе верил». Другой, тихий и настойчивый, отвечал: «А что они тебе дали? Молча-

ние. Только молчание. Ты всю жизнь был тенью. Никто не спрашивал, что у тебя внутри. Никто не замечал, как ты страдаешь».

Он вспомнил глаза Зоряны, когда она смотрела на пустоту в его рту. Вспомнил, как Беренгар смотрел на него — как на немого писца, удобного помощника. Никто не видел в нём человека. Только Кот видел.

Каэл медленно кивнул. Один раз. А Ходжа усмехнулся уголком рта.

— Думай, — сказал он. — Я не тороплю.

Зверь направился к окну. Уже взялся за раму. Обернулся.

— Твои близкие любят тебя, — сказал он. — Но они не знают, как тебе помочь. Они смотрят на тебя и думают: «Он сильный. Он справится». А я вижу. Я единственный, кто понимает, каково это — когда ты рядом, но один.

Кот прыгнул в темноту. Шагов не было слышно. Только ветер колыхнул занавеску, да снег заскреб по стеклу.

Каэл остался один. Он долго сидел, глядя на подоконник, где в тусклом свете лампы проблёскивал металлический контейнер. Пустой. Ждущий.

«Язык Волка, — подумал он. — Часть зверя. Часть врага. Но он даст мне голос».

ЧАСТЬ 2: ПОВСТАНЦЫ РЕГРАДА

Прошло два дня с тех пор, как бывший пёс принял решение ехать в Реград. Они выехали на рассвете, когда снег ещё не успел замести следы ночного патруля, а небо на востоке только начинало сереть. Молчун ехал впереди, держа руку на рукояти меча. Молчаливая принцесса — за ним, её белая кобыла ступала мягко, почти бесшумно.

Позади остались стены Бастиона. Впереди была пустошь, лес и дорога, уводящая в Реград — туда, где всё началось.

Дорога была пуста. Только снег, только ветер, только редкие птицы над головой. Командующий ехал молча, и Эленор не нарушала тишины. Она знала: он думает об отце, которого никогда не видел. О том, что скажет ему, когда встретит. О том, что вообще можно сказать человеку, который тебя не знает.

Они въехали в Реград, когда солнце уже поднялось над крышами. Дым из труб вился тонкими струйками, смешиваясь с низкими тучами. Но что-то было не так. Слишком тихо. Слишком пусто.

Улицы были пусты, но не той пустотой, какая бывает в час, когда все прячутся от холода. Это была пустота, которую заполняли взглядами. Из-за занавесок, из щелей между досками, из полуоткрытых дверей на них смотрели. Не враждебно. Не любопытно. Требовательно.

Бывший пёс спешился, держа меч наготове. Эленор — рядом, её доска прижата к груди.

— Нам нужно поговорить со старшими, — сказал он, обращаясь к пустой улице.

Тишина.

— Мы пришли не воевать, — добавил он.

И тогда из тени дома, что стоял у самого въезда, вышел человек. Низкорослый, с седой бородой, в драном тулупе.

— Вы те, кто убил короля и зверя? — спросил он.

Молчун кивнул.

— Тогда уходите, — сказал человек. — Нам не нужны убийцы. Нам нужен мир.

— Мы и принесли мир, — ответил командующий.

— Мир? — Человек усмехнулся. — Вы принесли смерть. Голод. Холод. Вы принесли свободу, которая хуже клетки. При Жребии мы хотя бы знали, кого завтра убьют. А теперь мы умираем каждый день.

Из других домов начали выходить люди. Сначала по одному, потом по двое, потом — десятками. Они не кричали, не бросались с кулаками. Стояли и смотрели. В их глазах командующий увидел то, чего не видел даже в самые страшные дни после свержения короля: тихое, затаённое отчаяние.

— Мы не враги вам, — сказал он.

— А кто? — спросила женщина из толпы. — Вы убили тех, кто защищал нас. Вы разрушили Жребий. Вы сказали: «Будет свобода». Где она? Где хлеб? Где тепло?

Эленор сделала шаг вперёд. Подняла доску, на которой уже было написано:

«Мы строим новый мир. Это больно. Это долго. Но мы не отступим».

— Слова, — сказал кто-то из толпы. — Только слова.

Первый камень ударил Беренгара в плечо. Второй — в спину. Третий — в лошадь, и животное взвилось на дыбы, заржало.

— Уходите! — закричали из толпы. — Убирайтесь!

Люди бросали в них камни, комья мёрзлой земли, тухлые яйца. Пёс не уворачивался. Стоял, сжимая в руке меч, который не обнажил.

Эленор коснулась щеки. Камень задел край, оставив царапину. Кровь потекла по скуле, но она не вытерла её. Пусть видят. Пусть запомнят. Она подняла доску:

«Я тоже мёрзну. Я тоже голодаю. Но я не просила вас убивать».

Толпа замерла на миг. Потом кто-то плюнул в сторону.

— Мы хотим поговорить со старшими! — крикнул Беренгар. — С теми, кто говорит вам о «старом порядке»! Пусть они выйдут!

Толпа замерла. Камни перестали лететь.

Из церкви, что стояла на холме, вышли трое. В чёрных рясах, с деревянными крестами на груди. Старые, сгорбленные, с лицами, изъеденными временем. Среди них был один, которого пёс не узнал. Не мог узнать.

Гедрих.

Он шёл впереди, опираясь на клюку, и его глаза, выцветшие, слезящиеся, смотрели прямо на Беренгара. Но не узнавали. Слишком много лет прошло. Слишком много крови.

— Мы не выбирали старшего, — сказал Гедрих, останавливаясь в нескольких шагах от командующего. — Мы все здесь равны.

— Тогда поговорим со всеми, — ответил тот.

Толпа расступилась, пропуская их к церкви. Но не прекращала бросать проклятия. Не прекращала плевать вслед.

Эленор шла за псом, чувствуя спиной ненависть, которая была гуще воздуха, тяжелее камней.

ЧАСТЬ 3: КОГТИ В ТЕМНОТЕ

Ночь была его временем.

Кот не выбирал этого. Так распорядилась его звериная доля. Днём его веки тяжелели, зрачки сужались в тонкие щели, и мир становился слишком ярким, слишком шумным. Он прятался в подвалах, спал, свернувшись в клубок, и ждал.

А ночью он просыпался.

Глаза распахивались, зрачки расширялись, поглощая даже самый слабый свет. Мир обретал чёткость, недоступную дневным тварям. Он видел в темноте каждую трещину в стене, каждую нить паутины под потолком, каждое дыхание спящего человека за тридцать шагов.

И он двигался.

Бесшумно, как тень. Не наступая на скрипучие половицы, не задевая косяки. Он перетекал из одного коридора в другой, сливался с темнотой, растворялся в ней. Стража проходила мимо, не замечая. Ни один пёс не услышал шагов. Ни один факел не отразился в его глазах.

Вскоре зверь нашёл арсенал. Стража у дверей сменилась, и в промежутке, когда старый караульщик уже ушёл, а новый ещё не занял пост, Кот проскользнул внутрь. Замок щёлкнул под его когтями — не взломанный, не сломанный, просто открытый. Технологии Древних, которые он знал, делали любой замок игрушкой.

Внутри пахло железом, смазкой и пылью. Ящики с патронами, стеллажи с гранатами, несколько пистолетов. Ходжа взял два. С полными магазинами. Проверил затворы — щёлкнули сухо, привычно. Сунул за пояс. И вышел так же незаметно, как вошёл.

И направился в тюрьму.

Она встретила его запахом мочи, сырости и отчаяния.

Зверь спустился по винтовой лестнице, ступая по каменным ступеням, которые помнили шаги тысячи разных людей. Здесь, внизу, не было окон. Только редкие факелы на стенах.

Он прошёл мимо камер, где спали или ворочались те, кого новый совет бросил в подземелье за предательство, воровство, убийство. Он заглядывал в каждого. В одних глазах читал страх. В других — смирение. В третьих — пустоту.

Зверь не выпускал их. Они не пригодятся. Они не выживут. У них не хватит ни сил, ни воли, ни веры.

Ему нужны были те, кто ещё не сломлен. Кто готов бороться. Кто помнит, что такое ненавидеть.

Он остановился у железной двери. Достал ключ — украденный у надзирателя, который спал сейчас мертвецким сном после щепотки снотворного, подсыпанного в вино.

Лязгнул засов.

— Выходите, — сказал Кот.

Из темноты показались двое.

Модест — бывший архидиакон, когда-то всесильный, а те-

перь — седой, дрожащий, с экземой на пальцах. Его глаза бегали от жадности.

Ромуальд — бывший инквизитор, убийца матери Эленор. Он не дрожал. Он стоял, сжав зубы, и смотрел на зверя с ненавистью и надеждой, смешанными в равной пропорции.

— Вы знаете, кто я, — сказал Ходжа, не спрашивая.

— Зверь, — ответил Ромуальд. — Тот, кто пришёл восстановить Порядок.

— Я пришёл не восстанавливать. Я пришёл спасать. — Кот бросил каждому по пистолету. Тяжёлый металл звякнул о каменный пол. Модест подхватил один дрожащими руками. Ромуальд — спокойно, уверенно, будто ждал этого дня.

— А патроны? — спросил Модест.

— Один магазин на ствол. Если не попадёте с первого раза — будете биться прикладами.

Ромуальд усмехнулся:

— Ты не веришь нам.

— Но я верю, что вы быстры, — ответил зверь. — В тоннелях Древних вы найдёте путь на Юг. Там вас встретят. Научат. Дадут оружие.

— Вход в тоннели заблокирован, — сказал Модест. — Каэл завалил его камнями.

— Каэл завалил не тот вход, — ответил зверь. — В Бастионе есть второй, о котором не знают даже псы. Спуск в старом колодце, за северной стеной. Вы должны знать его. Брат Корнель пользовался им, чтобы покинуть дворец неза-

меченным.

Модест побледнел. Потом кивнул.

— Знаю, — прошептал он. — Я знаю.

— Тогда бегите.

— А остальные? — спросил Ромуальд, кивнув в сторону соседних камер.

Кот покачал головой.

— Они слабы. Они не переживут пути. Или предадут при первой же пытке. — Он посмотрел на Ромуальда, и в его янтарных глазах мелькнуло нечто, похожее на уважение. — А вы — нет.

Ромуальд усмехнулся.

— Мы не будем спрашивать, почему ты нам помогаешь.

— И не надо, — ответил Ходжа. — Вопросы — это роскошь для тех, у кого есть время.

Зверь развернулся и исчез в темноте, оставив дверь открытой.

Модест и Ромуальд переглянулись.

— Идём, — сказал бывший архидиакон.

— Идём, — ответил бывший инквизитор.

И они вышли...

Тем временем, в тоннелях Древних.

Селвин шёл впереди, сжимая в руке масляную лампу — тусклую, чадающую, с фитилём, который мог погаснуть в любую минуту. За ним — двое. Косой и Хромой.

Косой был старше — лет двадцати, с бельмом на правом

глазу, которое делало его взгляд странным, почти нечеловеческим. Он не видел плохо — наоборот, левый глаз был острым, как у ястреба, и Селвин заприметил его ещё в псарне, когда Косой учился стрелять из лука. Он не промахивался.

Хромой был чуть моложе — девятнадцать, не больше. Его левая нога была короче правой, и он прихрамывал при ходьбе, но в бою эта хромота превращалась в обманчивое, змеиное движение. Противник не мог предугадать, куда он шагнёт. Селвин взял их не случайно. Они были щенками — старыми щенками, которые выросли в псарне ещё при старом Порядке, но не сломались. Они помнили Гуриона. Помнили Беренгара. И помнили, что такое верность.

Тоннель тянулся бесконечно. Стены здесь были не каменными — бетонными, гладкими, холодными, с ржавыми трубами под потолком и толстыми кабелями, которые свисали, как мёртвые змеи. Под ногами — деревянные шпалы, уложенные поперёк железных рельсов.

— Далеко ещё? — спросил Косой.

— Не знаю, — ответил бывший палач. — Но чувствую, что мы близко.

Лампа затрещала. Фитиль почти догорел.

— Надо возвращаться, — сказал Косой.

Селвин хотел ответить, но в этот момент из темноты, откуда-то сверху, донёсся звук. Тяжёлый. Металлический. Будто кто-то спускался по лестнице.

Они замерли.

— Туши лампу, — прошептал Селвин.

Косой задул фитиль. Темнота накрыла их мгновенно.

Шаги приближались. Двое. Они дышали тяжело, сбивчиво.

— ...ты уверен? — раздался шёпот, и Селвин узнал этот голос. Модест.

— Другого выхода нет, — ответил второй. Ромуальд. — Кот сказал — через тоннели.

Бывший палач сжал рукоять меча.

— Свет, — прошептал он Косому.

Косой снова зажёл лампу. Жёлтое пламя выхватило из темноты две фигуры — сгорбленные, в тюремных лохмотьях, с пистолетами в руках.

— Стоять! — крикнул Селвин, обнажая меч.

Модест вздрогнул, выстрелил не глядя. Пуля ушла в потолок.

— Не стреляй! — заорал Ромуальд. — Целься!

Он сам выстрелил — лучше, но тоже не точно. Пуля прошла в волосе от плеча Селвина.

Косой и Хромой бросились вперёд. Но Ромуальд успел перезарядить. Выстрел. Пуля вошла Косому в левое плечо, развернула его на месте.

Хромой прыгнул на Ромуальда, но споткнулся — его хромая нога подвернулась, и он рухнул лицом вниз.

Модест, дрожа, выстрелил ещё раз. Одна из пуль срикошетила и вонзилась Хромому в бедро. Тот закричал.

Селвин, пригибаясь, бросился на Ромуальда. Меч свистнул в воздухе, но Ромуальд успел отшатнуться, и лезвие лишь рассекло его руку. Кровь брызнула. Ромуальд взвыл, но не побежал. Он выстрелил снова — в упор, в грудь Селвина.

Кольчуга выдержала. Пуля застряла в звеньях, не пробив, но боль была такой, будто в грудь вонзили раскалённый прут. Бывший палач упал на одно колено.

— Уходим! — крикнул Ромуальд Модесту.

Ромуальд нажал на спуск ещё раз. Щелчок. Пусто. Магазин кончился. Модест, поняв это, тоже дёрнул затвор — и услышал тот же сухой, бесполезный звук.

Они замерли. В руках — мёртвое оружие. А против них — трое псов. Раненые, истекающие кровью, но живые.

— Бежим, — прошептал Ромуальд.

Они не стали ждать. Ромуальд подхватил раненого Модеста, и они бросились в темноту, прочь от жёлтого круга лампы, прочь от мечей, которые уже заносились для удара. Шаги удалялись, стихали, растворялись в грохоте метронома капающей воды.

Откуда они знали, как обращаться с оружием, которого не видели никогда?

Модест читал об этом в Соборе Трёх Свечей. В запретных свитках, которые хранились в криптах под алтарём. Там были не только хроники и молитвы — там были чертежи. Инструкции. Схемы разборки и сборки. Рисунки, на которых дрожащие пальцы монахов обводили контуры пистолетов,

автоматов, гранат. «Древнее оружие. Устройство. Принцип действия. Техника безопасности». Они учили это наизусть, хотя никогда не держали в руках настоящих стволов.

Ромуальд — тоже. Когда служил инквизитором, он имел доступ к самым тайным хранилищам. Видел гравюры. Читал описания. Мечтал когда-нибудь применить.

Сегодня их мечты (и знания) почти оправдались.

Почти.

Потому что знать, как стреляет пистолет, и попасть из него в цель — две большие разницы. Их первые пули ушли в стены, в потолок, мимо. Они не целились — они палили, как пуганные вороны, надеясь отпугнуть, а не убить. Но они выиграли время. А время — это всё, что нужно, чтобы бежать.

Селвин поднялся, зажимая грудь.

— Косой?

— Жив, — ответил тот сквозь зубы. — Но плечо разбито.

— Хромой?

— В бедро, — сказал Хромой, поднимаясь. — Ничего, доползу.

Рыцарь оглядел их.

— Надо возвращаться.

— А они? — спросил Косой.

— Они ушли на юг. — Селвин помолчал. — Мы найдём их позже.

Он задул лампу.

Темнота накрыла их снова.

Но теперь в ней прятались не только страх и неизвестность. Теперь в ней пряталась месть.

ЧАСТЬ 4: ТРЕЩИНА

Вальдемар узнал о побеге только утром.

Надзиратель, пришедший сменить ночную стражу, нашёл дверь открытой. Камеры — пустыми. Ключ, висевший на поясе у спящего тюремщика, исчез. Сам тюремщик ничего не помнил — только то, что выпил на ночь кувшин вина, который оставила для него кухарка.

— Изымать вино, — сказал старый епископ, выслушав доклад. — Найти кухарку. Допросить.

Он стоял у раскрытой камеры, глядя на пустые нары. Соломённый тюфяк ещё хранил тепло тел — Модест и Ромуальд бежали недавно.

Бывший духовник закрыл глаза. Внутри него, там, где когда-то жила вера, теперь пульсировала холодная, тяжёлая пустота.

«Они ушли к нему, — подумал он. — К зверю».

Он приказал усилить охрану стен, проверить все посты, переписать списки стражников. Но сам знал: если Кот смог проникнуть в тюрьму незамеченным, он может проникнуть куда угодно...

Селвин с отрядом вернулся в Бастион через несколько часов.

Они выбрались на поверхность мокрые, грязные, в крови. Бывший палач, шатаясь, повёл псов к дворцу, по узким

улочкам, где редкие прохожие в ужасе шарахались от окровавленных фигур.

Вальдемар ждал в тронном зале.

— Говори, — приказал он.

Селвин рассказал. О тоннеле, который уходит на юг. О встрече с Модестом и Ромуальдом. О пистолетах. О выстрелах. О том, как они ранили его и псов, и как предатели сбежали.

— Они искали путь на юг, — закончил он.

Старый епископ слушал, не перебивая. Его лицо оставалось неподвижным, но пальцы, лежащие на столе, побелели.

— Отправляйтесь в лазарет, — сказал он. — Вы сделали всё, что могли.

— Они ушли, — сказал Селвин, и в его голосе прозвучала такая горечь, что Вальдемар невольно опустил глаза.

— Знаю. Мы найдём их. Или они найдут нас...

Лазарет встретил Селвина и его псов привычной суетой.

Матильда, увидев их, только покачала головой. Фома и Бенедикт принялись обрабатывать раны.

Зоряна помогала.

Она делала всё тихо, быстро, почти без ошибок. Пальцы её не дрожали. Она не путала настойки. Она вообще не говорила — только делала. И делала так, как не умела ещё вчера.

Матильда не сразу заметила. Но когда Зоряна подала ей странную мазь в глиняной баньке — пахнущую незнакомо, резко, чем-то чужим, — старуха замерла.

— Что это? — спросила она.

— Рецепт моей матери, — ответила девушка, не поднимая глаз. — Я всегда боялась его использовать. Но теперь... решилась.

Матильда понюхала. Пахло травами, которых она не знала. И чем-то ещё — металлом, солью.

— Он работает? — спросила она.

— Да, — ответила Зоряна.

И это была правда. Мазь действительно работала. Потому что её дал не человек.

Но старая знахарка не знала этого. Она лишь кивнула.

— Если рецепт матери работает — используй.

Девушка кивнула. Пошла выполнять приказ. А сердце её колотилось где-то в горле...

Тем временем Вальдемар, оставшись один, посмотрел на карту.

Тоннели. Рельсы. Путь на юг.

Он не знал, как далеко они ведут. Не знал, где выход. Но знал, кто может это прочесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.